

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ RES PUBLICA RESTITUTA 1948 г.: ИСТОКИ ИЗМЕНЕНИЯ ОСНОВНОГО ПРИНЦИПА ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ СССР В СОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 30-х годов

© 2019 г. А. В. Никандров

МГУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: bobbio71@mail.ru

Поступила в редакцию 09.08.2018 г.

Статья посвящена анализу теоретических истоков концепции всенародного государства, представленной в проекте Программы ВКП(б) 1947 г. Эта концепция, рожденная в сталинской лаборатории мысли, была реализована только в III Программе КПСС, принятой в 1961 г. Автор утверждает, что среди важнейших отправных пунктов нового высшего принципа Советского государства следует полагать ряд концептуальных инноваций, вводимых постепенно уже в 30-е годы: теоретическая элиминация диктатуры пролетариата, утверждение бесклассового общества, реконцептуализация партии в качестве авангарда народа (а не пролетариата), введение в политическую практику инновации «блок коммунистов и беспартийных» в качестве нового принципа единства советского народа.

Ключевые слова: диктатура пролетариата, республика, КПСС, Проект Программы ВКП(б) 1947 г., III Программа КПСС, трудящиеся, народ, всенародное государство, общенародное государство, Конституция СССР 1936 г., бесклассовое общество, блок коммунистов и беспартийных.

DOI: 10.31857/S013207690003857-4

История доктринально-теоретического оформления принципов и направления развития советского государственного строительства, перипетии теоретико-политического творчества советских вождей, идеологов, ученых-обществоведов, муки подчас сложнейшего выбора и обоснования наилучшей государственной формы для Советского государства, их напряженная работа с политической терминологией — все это представляет значительный интерес как для теории государства и права, так и для философии политики и права; интерес тем больший, что эти науки не всегда в достаточной мере смело вторгаются в сферы, считающиеся сугубой епархией историков, в особенности историков КПСС. Одним из основных моментов, придающим поискам в сфере истории создания советского учения о социалистическом государстве необычайную усложненность, является тот факт, что создателем теории советского государства и права была Коммунистическая партия — главный (и единственный) теоретик в СССР.

1. Партия и проблемы теории государства и права. В исследовательской практике сложился определенный подход, установка, заключающаяся в том, что ввиду монархического по сути положения правящей в СССР партии — партии-принцепса,

или, используя русский политический лексикон, партии-самодержца, — глубокий анализ и реконструкцию ее доктринально-теоретического наследия в области теории государства и права можно считать неплодотворными и бесперспективными: ведь поскольку партия правила, изначально находясь в положении *legibus solutus* (или «осуществляя руководство диктатурой пролетариата»¹, если перевести на «партийный» язык), то этот же принцип действовал и в области теории, т.е. она могла не считаться (и зачастую, — а то и как правило, — не считалась) ни с действительностью, ни с логикой и нуждами собственно теории, в роли которой был задействован и задекларирован марксизм-ленинизм, т.е. политическая концептуальная система, не предлагающая для советской действительности связного концептуального отражения, — так что сообразовываться с ней было довольно проблематично.

¹ «Партия, — пишет И.В. Сталин, — есть основная сила в системе диктатуры пролетариата»; или также: «Руководство партии есть главное в диктатуре пролетариата, если иметь в виду сколь-либо прочную и полную диктатуру» (см.: Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1945. С. 120, 128). Так партия ставит себя над диктатурой пролетариата.

Партия в лице прежде всего своих вождей подстраивала «единственно верное учение» под запросы политической практики и геополитики, действуя в интересах государства, а не марксизма-ленинизма, который использовался как инструмент вспомогательный — пропагандистский, идеологический, отчасти легитимационный и т.п., но не государственно-теоретический, не как «руководство к действию». Поскольку же собственно политическая и теоретическая линии при таком положении дел не совпадают, а связь теории и политики или отсутствует, или не является определяющей при создании политических концепций и концептов, значит, и исследование необходимым образом должно быть сосредоточено исключительно на практической и институциональной сторонах дела (т.е. *лидеры, элиты, институты*, — но не *концепции, теории, доктрины*). Однако в советском «теоретическом строительстве» присутствовали скрытая логика и цель последовательного развертывания доктринально-теоретических каскадов инноваций. Реконструкция (но вовсе не *деконструкция*) этой логики, т.е. поиск причин для нововведений, анализ обоснований этих нововведений (в том числе несостоявшихся), — не только увлекательная задача в области «теоретической археологии», но и весьма актуальная задача для современной теории государства и права и философии политики и права, поскольку фундаментальные положения *советской науки о государстве* вошли в плоть и кровь нашего государства, так что без знания этих основ, заложенных в советское, по преимуществу в сталинское, время, сложно судить о настоящем состоянии и перспективах России — наследницы СССР. И эта проблема становится тем актуальнее, чем большую остроту приобретает современная полемика о «новой идеологии», о новом концептуальном видении места и роли России в мире и истории.

Очевидно, что теоретико-политическая репрезентация государства, рожденного Октябрем, представляла серьезную проблему для советских политиков и идеологов. Как совместить марксистские постулаты и политические реалии нового «пролетарского государства»; соединить марксизм, признающий, что после социалистической революции в «цивилизованных странах» (к которым Россию основоположники марксизма не относили) субстанциально единый пролетариат распространит свою власть поверх «старых» границ и национальных различий, — и задачи строительства социализма в Советском государстве («одной, отдельно взятой стране»), при отсутствии «мировой революции»? Как выйти из плена противоречивой формулы «Республика Советов — политическая форма диктатуры пролетариата (республика — форма диктатуры)» и совместить советский этатизм с марксистским интернационализмом?

Как реконцептуализировать республику, сохраняя в силе фундаментальные принципы марксизма? Как доктринально корректно «официально» вписать в теоретико-политические конструкции надгосударственную, надзаконную и надобщественную силу — партию? Ни Маркс, ни Энгельс, ни даже Ленин не оставили «дорожной карты» теоретического развития принципов и форм «государства нового типа», кроме конструкций «диктатура пролетариата» и «государство диктатуры пролетариата», которые, как оказалось, устаревают. И.В. Сталину и его соратникам пришлось взять на себя задачи не только практического воплощения принципов социализма, но и развития самой теории², и вот именно эта «история теории» предлагает своим исследователям довольно неожиданные открытия.

2. Новые факты истории советских политических идей. Новые факты и документы по истории разработки третьей Программы партии большевиков, введенные в научный оборот в 2016—2017 гг.,³ существенно меняют всю оптику истории советских государственно-правовых идей, равно как и угол зрения на эволюцию советских политических институтов. В результате публикаций текста проекта Программы ВКП(б) 1947 г. и документов, связанных с ним, выяснилось, что все важнейшие политические инновации и неожиданные решения третьей Программы КПСС, принятой на XXII съезде (1961), были на самом деле разработаны по указанию Сталина и под руководством А.А. Жданова коллективом советских ученых, государственных и партийных деятелей, представивших проект Программы к осени 1947 г. Этот проект был переработан (преимущественно в отношении лексики и стиля) другим коллективом по указанию Н.С. Хрущева и под руководством Б.Н. Пономарева в 1958—1961 гг.; причем многие персоналии двух этих «научно-государственных» коллективов совпадали. Главные три новации — это введение в качестве фундаментального принципа государственного устройства СССР всенародного (общенародного) государства; превращение партии в авангард

² Следует оговориться: у Ленина в разрозненном виде имеются очень важные идеи и пассажи, касающиеся республиканизма, народовластия, фаз коммунизма и пр. Многие из них были использованы Сталиным при создании новой концепции Советского государства.

³ Текст проекта Программы партии 1947 г. в окончательной редакции (подписан именами П.Н. Федосеева, М.Б. Митина, Л.А. Леонтьева, Д.Т. Шепилова) был с комментариями опубликован ученым и общественным деятелем В.В. Трушковым в 2016 г. в ряде номеров газеты КПРФ «Правда». В 2017 г. текст проекта вместе с другими материалами был опубликован учеными-историками В.В. Журавлевым и Л.Н. Лазаревой (см.: Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947—1953 гг. Документы и материалы / сост.: В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева. М., 2017).

всего народа; и построение коммунизма в весьма близкой перспективе (в течение 20—30 лет).

В проекте 1947 г. концепт всенародного государства вводится и представляется так: «В социалистическом обществе достигнуто невозможное в условиях эксплуататорского строя единство государства и народа. Советское государство является выразителем силы, воли и разума народа. С ликвидацией эксплуататорских классов, победой социализма и установлением полного морально-политического единства всего народа диктатура пролетариата выполнила свою великую историческую миссию. Советское государство превратилось в подлинно всенародное государство»⁴. Программа 1961 г. формулирует новый принцип в нескольких словах: «Обеспечив полную и окончательную победу социализма — первой фазы коммунизма — и переход общества к развернутому строительству коммунизма, диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию и с точки зрения задач внутреннего развития перестала быть необходимой в СССР. Государство, которое возникло как государство диктатуры пролетариата, превратилось на новом, современном этапе в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа»⁵. В «хрущевской» Программе и в выступлении Хрущева акцентируется добровольность отказа рабочего класса от «своей» диктатуры: «Рабочий класс — единственный в истории класс, который не ставит целью увековечить свое господство. <...> В условиях победившего социализма и вступления страны в период развернутого строительства коммунизма рабочий класс Советского Союза по собственной инициативе... преобразовал государство своей диктатуры во всенародное государство»⁶.

В связи с «выполнением диктатурой пролетариата своей миссии» и утверждением всенародного (общенародного) государства пересматривается роль партии, которая повышением своей значимости по необходимости должна, во-первых, компенсировать отсутствие диктатуры пролетариата и, во-вторых, поставить заслон тем, кто, логически развивая идею всенародного государства, усомнился бы в самом принципе партии и в необходимости партийного руководства «полновластным народом»⁷. Проект Программы 1947 г. определяет

партию как авангард народа: «За годы Советской власти ВКП(б) неизмеримо укрепила свои связи с народными массами, сроднилась с народом и выросла в многомиллионную организацию. ВКП(б) представляет руководящее ядро всех организаций трудящихся — как общественных, так и государственных. Коммунистическая партия является авангардом советского народа»⁸.

Программа 1961 г., оставляя в силе предикат «авангард», возвышает роль и статус партии, доводя его до «партии всего народа»: «В результате победы социализма в СССР, укрепления единства советского общества Коммунистическая партия рабочего класса превратилась в авангард советского народа, стала партией всего народа, расширила свое направляющее влияние на все стороны общественной жизни»⁹. В принципе провозглашение КПСС «партией всего народа» логично: ведь если государство всенародное, то и партия должна быть всенародной (конечно, понимание партии здесь — совсем не в западном смысле, но КПСС никогда и не была партией в этом смысле). Программа 1961 г. излишне смело устанавливает сроки наступления коммунизма («Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»), однако при этом, в отличие от текста 1947 г., более настойчиво и развернуто связывает наступление коммунизма с усилением и расширением участия народа в государственных делах, с развитием «всенародного демократизма». Таковы важнейшие инновации партийной Программы 1961 г. в связи с проектом 1947 г.

В свете открывшихся фактов приобретает особый смысл знаменитое и загадочное высказывание Ю.В. Андропова из речи на июньском Пленуме 1983 г., сказанное от лица партии: «Стратегия партии в совершенствовании развития социализма должна опираться на прочный марксистско-ленинский фундамент. Между тем, если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические»¹⁰. Смысл этот отчасти ироничный: что уж говорить об экономических закономерностях, если и в области истории политических идей «общества, в котором живем и трудимся», имеются значительные пробелы (заметим,

⁴ Сталинское экономическое наследство. С. 176.

⁵ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 396.

⁶ Материалы XXII съезда КПСС. С. 185. Как видно, здесь Хрущев использует термин 1947 г. Синонимичное употребление терминов «всенародное государство» и «общенародное государство» в связи с новой Программой характерно для политической лексики начала 60-х годов.

⁷ Как справедливо замечает С.С. Згоржельская, «полновластие народа по замыслу авторов должно было соединяться

с руководящей (этим полновластием) ролью КПСС, выступающей как бы правопреемницей института диктатуры пролетариата» (см.: Згоржельская С.С. Концепция общенародного государства в проекте Конституции СССР 1964 г.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 76).

⁸ Сталинское экономическое наследство. С. 176.

⁹ Материалы XXII съезда КПСС. С. 423.

¹⁰ Андропов Ю.В. Избр. речи и статьи. М., 1983. С. 294.

что сам Юрий Владимирович был приверженцем и пропагандистом принципа общенародного государства). К тому же, если партия опирается на «прочный марксистско-ленинский фундамент», но общество при этом не поддается изучению, возникают сомнения в «марксистско-ленинском фундаменте».

Как может показаться, принцип всенародного государства появляется в 1947 г. внезапно, как концептуальный поворот, озарение Сталина, немедленно введенное в логический порядок советской государственности послушными идеологами и теоретиками. На самом деле это не так. Этот принцип, как будет показано, был предуготовлен и прообразован предшествующим периодом развития советской политической мысли, явившись результатом совместной работы Сталина и советских политических деятелей и мыслителей, а вовсе не сводился *только* к чистой инспирации Сталиным « всенародных » идей.

3. «Режим диктатуры рабочего класса» остается в силе. В 1948 г. на планировавшемся XIX съезде ВКП(б) партия готовилась принять новую, третью Программу. Как уже было сказано, ее главное нововведение казалось необычным и неожиданным: кардинально изменялась форма государства, что необходимо вело к серьезным изменениям всей системы политических институтов СССР, к преобразованию его государственного строя. Всенародное государство — это, как подразумевалось, республика высшего типа в сравнении не только с древними и современными западными республиками, но и с Республикой Советов как формой диктатуры пролетариата¹¹. В формуле « всенародное государство » без труда улавливались вполне уважительные референции к Римской республике, особенно если не забывать любовь Сталина к истории Рима. Республика, бывшая до этого всего лишь « формой диктатуры пролетариата », с отменой последней становилась действительной формой государства¹².

¹¹ Здесь нельзя не вспомнить ленинский пассаж об « иерархии республик »: « Республика с Учредительным собранием выше республики с предпарламентом. Республика Советов выше республики с Учредительным собранием. Республика полного социализма выше республики Советов. Коммунистическое общество выше социалистической республики » (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 427).

¹² В принципе то политическое состояние, которое обрисовывает Конституция 1936 г., и есть « республика без диктатуры пролетариата ». Но, во-первых, декоративность Верховного Совета была поначалу слишком очевидной (но нельзя сказать, что этот институт и в дальнейшем был сугубо фасадным); во-вторых, роль и место партии были обозначены более чем расплывчато; и, в-третьих, геополитическая обстановка 30-х годов едва ли позволяла всерьез действовать в направлении к « реальному демократизму » (отсюда, собственно, и утверждение Сталина об « оставлении в силе режима диктатуры рабочего класса », — об этом речь пойдет далее).

Впечатление, на которое рассчитывал Сталин, по всей видимости, должно быть таким: вождь советского народа, подобно императору Августу, устанавливал — или *восстанавливал* — республику, возвращая ее народу, освобождая от оков диктатуры пролетариата и преодолевая эту диктатуру, — и так полагалась, по сути, *res publica restituta* в своем истинном смысле — *res populi*. Сталин выступает как Август — *Curator rei publicae*, *Pater Patriae*, который *rem publicam* — и тем самым *leges et iura* — *restituit*. Отныне советский народ будет обладать *своим* государством — достоянием, соответствующим его величию. Конечно, концепция всенародного государства, хотя и не предполагала явно фигуры вождя, увенчивающей конструкцию вертикали власти « народ — партия — государство — вождь », но совершенно отчетливо ее подразумевала. Концепт всенародного государства доводил « сталинское народовластие » (А.А. Зиновьев) до логического завершения. Для Зиновьева нет противоречия между сталинским этатизмом и народовластием. Более того, одно без другого не существует: « Дело в том, что, несмотря на все ужасы сталинизма, это было подлинное народовластие в самом глубоком (не скажу, что в хорошем) смысле слова, а сам Сталин был подлинно народным вождем. Народовластие — это не обязательно хорошо »¹³.

В формуле « всенародное государство » помимо римских и руссоистских аллюзий отчетливо просвечивал смысл « старого », введенного еще первой Программой РСДРП, многозначного и удивительно подходящего ко многим, даже несовместимым, политическим формам концепта « самодержавие народа », полюбившегося Ленину и затем Сталину. Этот концепт первым внес в один из проектов первой программы Г.В. Плеханов, концептуальное же авторство принадлежит Л.А. Тихомирову, который вкладывал сходный с большевистским смысл (самодержавие народа — в противовес « самодержавию царя »). Необычный концепт обрел и столь же необычную судьбу. В частности, его использовал известный российский, будущий также и советский правовед Я.М. Магазинер, автор работы « Самодержавие народа » (1907)¹⁴. Ученый предпринял попытку изложить марксистское понимание суверенитета народа (у него — синоним с « самодержавием народа »), т.е. придать марксистскую форму совершенно немарксистскому концепту. Эту книгу царское правительство в 1913 г. приговорило к сожжению (!), автора же — к ссылке: термин казался чиновникам революционным, подрывным. Такие

¹³ Зиновьев А.А. Несостоявшийся проект: Распутье. Русская трагедия. М., 2009. С. 17.

¹⁴ Магазинер Я. Самодержавие народа (Опыт социально-политической реконструкции суверенитета). СПб., 1907.

удивительные коллизии воскресают при углублении в концептуальную историю партии.

В словословиях, приготовленных по случаю принятия новой Программы на предполагавшемся в 1948 г. XIX съезде, конечно, не было столь необычных референций. Все дифирамбы были вполне в марксистском ключе: третья Программа, представленная спустя 100 лет со дня выхода Манифеста Коммунистической партии, должна быть преподнесена как новый Манифест, принимаемый как бы в ознаменование юбилея. Эти дифирамбы частично достались Программе, принятой в 1961 г.

XIX съезд партии в 1948 г. не состоялся, амбициозный же проект по не вполне ясным причинам был предан довольно надежному забвению. Диктатура оказалась сильнее республики, Сталин-диктатор — сильнее Сталина-республиканца. В 1952 г. на XIX съезде был вновь поднят вопрос о составлении третьей Программы, как если бы никаких работ по ее проекту в 1947 г. и не велось вовсе. На этом съезде было утверждено новое название партии — КПСС. Необычное наименование, — теперь партия большевиков становилась как бы партией самого государства, государственной партией, — это единственное, что осталось от логики понятийно-политического движения советской теории государства при Сталине. СССР, поскольку изменения формы не произошло, остался «государством диктатуры пролетариата», так что можно повторить сталинские слова из доклада «О проекте Конституции Союза СССР» (1936), где он говорит, что проект Конституции «оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение Коммунистической партии СССР»¹⁵, — применительно к концу 40-х годов, особенно с учетом необычного для 1936 г. именованья ВКП(б)¹⁶.

Если судить на основании фактов, то вместо «всенародного этатизма» формулы «всенародное государство» (или преобразованного под биполярную схему мира концепта «самодержавие народа») начиная прилизисто с осени 1948 г. Сталин стал постепенно внедрять структуру, основанную на иных принципах. Кристаллизовывались три «центра государственной власти и управления»:

¹⁵ Сталин И. В. Указ. соч. С. 523.

¹⁶ А. В. Елисеев по этому поводу замечает: «В своем докладе “конституционному” Съезду Сталин коснулся и партии, заявив, что новая Конституция “сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение Коммунистической партии СССР”. Заметим, что Иосиф Виссарионович как-то странно называет ВКП (большевиков). И это очень похоже на будущее название — КПСС. Весьма возможно, что планы переименования были у него уже тогда. Причем здесь снова заметно сталинское государственночество. КП СССР — это партия, которая как бы “принадлежит” государству» (см.: Елисеев А. Преданный социализм. М., 2018. С. 144).

КПСС, Совет Министров СССР, Верховный Совет СССР, причем каждый из этих центров власти имел нечто вроде коллективного руководителя: Президиум ЦК КПСС, Бюро Совета Министров СССР, Президиум Верховного Совета СССР. Коллекциальность руководства каждого «центра» была, по конструкции Сталина, принципиальным моментом. Возможно, Сталин полагал, что такая структура власти более соответствует СССР как сверхдержаве в относительно стабильной биполярной системе (но никак нельзя предположить, что Сталин в *такой* системе видел реализацию идеи всенародного государства).

В несколько переработанном виде, но с сохранением всех новых постулатов и принципов сталинский проект 1947 г. был принят как Программа партии на «антисталинском», как его часто называют, XXII съезде. Совершенно правомерно предположить, что руководство партии во главе с Н. С. Хрущевым не хотело, да и не могло раскрыть имя истинного вдохновителя Программы: авторство было приписано партии в целом и оценено как вклад в марксистскую теорию. Так смелые сталинские государственные инновации стали считаться «придуманными» Хрущевым, а глубоко обоснованный сталинский «всенародный этатизм» превратился в хрущевский «теоретический волюнтаризм». В этом качестве новации Программы 1961 г. и подвергались критике со стороны как ряда советских деятелей, так и компартий Китая и Албании, не говоря уже о западной критике буржуазного толка. И так вплоть до 2016 г. практически для всех было «очевидно», что «общенародное государство было введено Хрущевым». То, что изначально не было каким-то особым секретом, благодаря необычным обстоятельствам стало тайной. Сторонники Хрущева не желали раскрытия первоисточника по причинам вполне ясным, а противники, — так как общенародное государство стало прочно ассоциироваться с «хрущевской» Программой, — также не хотели этого, ибо пришлось бы признать, что «антимарксистские», «волюнтаристские» экзерсисы, вполне подobaющие Хрущеву, являются продуктом сталинской лаборатории мысли. Интересно, что когда в своих воспоминаниях оба «главных сталиниста» — В. М. Молотов и Л. М. Каганович — касаются идеи общенародного государства, к которой относятся негативно, то не упоминают вовсе о первоисточнике «хрущевской» Программы¹⁷.

Принцип всенародного государства, задуманный Сталиным явно не для простого

¹⁷ Так, В. М. Молотов говорит: «А что касается Программы, я считаю, за нее главную ответственность несут Хрущев, Микоян, Куусинен, Суслов и другие» (см.: Чув Ф. И. Молотов: полудержавный властелин. М., 1999. С. 628).

декларирования, не для «воплощения на бумаге», в 60—70-е годы был «реализован» исключительно в риторике. Руководство СССР явно не рассчитывало проводить в жизнь положение об общенародном государстве вместе с вытекающим из него тезисом о постепенном переходе в перспективе власти из рук государства к общественным организациям и ограничилось кроме риторики созданием декоративных новых институтов и изменением названий старых. Не удалось создать развернутой, логичной «теории общенародного государства». Впрочем, это было и невозможно, так как в рамках одной теории марксистские интернационалистские и руссоистские этикетистские постулаты не могут быть совмещены (при том, что сама теория общенародного государства так же далека от марксизма, как и близка к руссоизму). Иллюстрацией разрыва намерений и дел стала судьба проекта Конституции 1964 г.¹⁸, который вместе со всеми документами по составлению стал украшением архивов и только в XXI в. — предметом изучения и удивления историков (удивление связано с тем, что текст этого проекта легко мог поставить под сомнение то, что «официальной идеологией» СССР был марксизм-ленинизм, а не руссоизм¹⁹).

4. Теория государства и геополитика. Учитывая время составления и сам дух проекта Программы партии 1947 г., сложно избежать соблазна «геополитизировать» главную государственно-теоретическую инновацию — всенародное государство — немарксистский конструкт, представленный как результат творческого развития марксизма. В самом деле, к 1947 г., а то и несколько раньше для советского руководства стали вполне ясны перспективы дальнейшего развития мировой политики — блоковое противостояние двух сверхдержав, квазиимперских центров, примерно равных по совокупности основных «сверхдержавных» параметров. Логично, что Советскому Союзу в новом *миропорядке сверхдержав* уже не подобало быть «государством диктатуры пролетариата»: эта форма явно устарела и не соответствовала достигнутому влиянию и величию СССР. Диктатура, понимал Сталин, вообще не должна входить в определение государства (поэтому в 1936 г. он и называет ее «режимом»); диктатура — временное состояние, но никак не обозначение состоявшегося государства.

¹⁸ См.: Конституция СССР. Основной Закон. Проект. 1964 г. // *Пыжиков А. В.* Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 395—458.

¹⁹ Впрочем, и текст Конституции 1936 г., пусть и в меньшей степени, но все же мог произвести подобное впечатление: так, Г. А. Шмавонян находит в нем истоки «радикальной “руссоизации” марксистской концепции диктатуры пролетариата» (см.: *Шмавонян Г. А.* Проблемы института советского правительства в юридической науке 20-х и 30-х годов XX в. // *Труды ИГП РАН.* 2011. № 3. С. 151).

Далее, поскольку миропорядок, получивший впоследствии название ялтинско-потсдамского, к этому времени практически установился, и шла лишь дальнейшая его кристаллизация, СССР не мог уже декларировать, а тем более реализовывать идею расширения посредством пролетарских революций (а в понятии «государство диктатуры пролетариата» заложен именно этот смысл). К этому следует добавить еще одно немаловажное соображение: «всенародное государство» достаточно позитивно звучало для стран социалистического блока (этот аспект, несомненно, был важен и для Хрущева).

Для наименования формы государства необходимо было что-то более понятное, приемлемое, не представляющее угрозы для Запада и более респектабельное для соответствия достигнутой мощи страны. Тут формула «всенародное государство» подходила идеально: римский подтекст подчеркивал величие государства, а просвечивающий руссоистский смысл, не имеющий бросающихся в глаза противоречий с марксизмом, — приемлемость в качестве саморепрезентации СССР среди «западных демократий», особенно в паре СССР — США: если уж США, глобальный vis-à-vis СССР, — демократическая республика, то и Советскому Союзу тем более подобает выступить в республиканской тоге. Формула «всенародное государство» подчеркивала также превосходство Советской республики с ее подлинным народовластием над западными с их формальной демократией и неустранимой разделенностью народа на враждебные классы.

«Народ вместо пролетариата», «всенародное государство» вместо «государства диктатуры пролетариата» — эта кардинальная замена должна иметь важнейшее мировое значение. Согласно Марксу пролетариат в рамках мира субстанциально един, так что будущий миропорядок после победоносной антикапиталистической революции — это всепролетарское мировое квазигосударство (мировая диктатура пролетариата). Эта пугающая риторика отменялась. Советское всенародное государство не собиралось устраивать «пролетарские революции»; да и некому становилось их устраивать: если со стороны пролетариата революции обладают некоей «теоретической законностью», то со стороны народа — скорее будут напоминать завоевательные походы. Советский народ-суверен и *его* государство — конструкция, вполне подходящая для представления советской сверхдержавы в мире. Вместо иерархии «пролетариат — диктатура пролетариата — государство диктатуры пролетариата — партия» устанавливалась новая иерархическая система с государством как венчающим элементом конструкции. Партиецентризм сменялся государственноцентризмом, вполне совместимым с «торжеством народовластия» (ведь государство — всенародное достояние, *res populi*). В смысл нового

концепта входило и самоограничение государства: мировая коммунистическая революция вместе со своим актором-мессией — мировым пролетариатом — прочно и надежно уходила в историю, пролетарский интернационализм становился риторикой *par excellence*, компартии превращались в форпосты советского влияния, теряя роль «революционных детонаторов».

Перечисленные геополитические соображения и следствия вполне очевидны, но не они являются причинами и истоками формирования принципа всенародного государства, который продумывался Сталиным и его идейными соратниками приблизительно с начала 30-х годов. Именно с этого времени в ряде партийных и иных документов, включая текст Конституции 1936 г., можно констатировать теоретическое подведение к принципу всенародного государства, конструирование элементов будущей конструкции. Это — ряд важнейших, логически связанных между собой концептов и положений, продолжающих линию построения социализма в одной стране.

5. От пролетариата к народу: концепт «трудящиеся» в Конституции 1936 г. В государстве диктатуры пролетариата главной действующей силой (или даже «лицом») является пролетариат во главе со своим авангардом — партией большевиков. Пролетариат согласно марксистско-ленинской теории — диктатор, т.е. полновластный правитель в государстве, не сдерживаемый законом. Он действует в союзе с крестьянством, которое — как класс — становится все более дружественным ему, так что по мере продвижения строительства социализма они сливаются в одну политическую сущность — «трудящиеся». По этой же схеме в состав «трудящихся» вливается и интеллигенция. Политические разделения и барьеры среди «трудящихся» уходят в прошлое, классы преобразуются так, что само понятие «класс», акцентирующее политическое разделение народа, становится все менее релевантным. Пролетариат растворяется в «трудящихся», а поскольку это так, то и «его» диктатура становится все менее нужной в самом государстве и в его формальной репрезентации. Такова сталинская логика по переустановлению смысла диктатуры пролетариата вплоть до ее нивелирования в тексте Конституции 1936 г.

Понятие «трудящиеся» — отнюдь не новое, более того, — весьма распространенное и часто употребляемое, особенно большевиками. Встречается оно и в Конституциях 1918 и 1924 гг. В ст. 7 Конституции РСФСР 1918 г. утверждается, что «власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам Рабочих, Солдатских

и Крестьянских Депутатов»²⁰. Однако «трудящиеся массы» — нечто политически и теоретически (и тем более юридически) размытое, и по этой причине ст. 10 пытается конкретизировать эти «массы», еще более запутывая дело («Вся власть... принадлежит всему рабочему населению страны»). Из этих формулировок не следует ясности, кому, собственно, принадлежит «вся власть», так как «всё рабочее население страны» — не менее размытое понятие, чем «трудящиеся массы», которым, впрочем, власть еще не принадлежит, но *должна* принадлежать. Правда, оба «обладателя» власти объединены в Советы, что, впрочем, мало дает для понимания, кто такие «трудящиеся массы» и «рабочее население». В этом тексте используется и слово «трудящиеся» без «масс», но ясно, что это — не специально заданный концепт (как «трудящиеся» в Конституции 1936 г.), а просто *идеологема*, идеологический и пропагандистский конструкт, не имеющий окончательной формулировки и не несущий никакого значения для государственной теории, имеющий смысл разве что в риторике для противопоставления «буржуазным» («нетрудовым», «паразитическим») элементам.

Концептуализация понятия «трудящиеся» в качестве обладателя и источника власти реализуется в Конституции 1936 г. В этом тексте понятие «трудящиеся» задано достаточно ясно, поскольку представляет собой *переходный концепт*, временно замещающий «народ». Легко прочитывается линия установления источника власти и единственной, окончательной референции властвующей партии, которая ведет к концепту «народ». Помимо этого в отношении формы государства и характеристик государственного строя текст Конституции 1936 г. демонстрирует предельный лаконизм — явное свидетельство осторожности Сталина, который не хотел прежде времени вводить что-то новое. Впрочем, и во всех последующих своих работах, когда дело касается принципов государства, Сталин явно старается не говорить ничего лишнего, используя расплывчатые конструкции вроде «государственный строй», «общественный строй» и т.п. — без конкретизации.

А.В. Елисеев справедливо замечает, что «в тексте самой Конституции о диктатуре (причем именно пролетариата) говорилось больше в прошедшем времени. Согласно ст. 2 политической основой СССР являлись Советы депутатов трудящихся, которые “выросли и окрепли” в результате завоевания диктатуры пролетариата. Из этого прямо напрашивался вывод о том, что после этого возрастания и укрепления диктатура как-то не особенно нужна. И действительно, уже в следующей статье говорилось: “Вся власть в СССР принадлежит

²⁰ URL: <http://constitution.garant.ru>

трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся». Согласно же ст. 1 «СССР является социалистическим государством рабочих и крестьян». Вот так, и никакой диктатуры — ни пролетариата, ни рабочего класса»²¹. В том же ключе мыслит и советский исследователь А.П. Косицын: «Показательно, что в Конституции не было ни одной статьи, закрепляющей политическое господство рабочего класса, т.е. диктатуру пролетариата... Единственная статья, в которой был употреблен термин “диктатура пролетариата”, говорила о ней как о факторе, относящемся к периоду становления Советского государства. <...> Таким образом, понятие диктатуры пролетариата обращалось к прошлому»²². В.М. Молотов спустя немало лет признавал: «И если вчитаться в нашу Конституцию, Сталин там немного заложил против диктатуры пролетариата. Но это, собственно, сказано в прозрачной форме. Там примерно сказано так, что наша Советская власть родилась в 1917 году как диктатура пролетариата и стала властью всех трудящихся. Уже “всех трудящихся”. Поэтому нашей страной управляют Советы депутатов трудящихся. Советы-то были и остались, но они были Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. А теперь уже классового деления нет. По-моему, это в завуалированном виде пересмотр: не диктатура пролетариата, а власть трудящихся»²³.

Сталин прекрасно понимал, что если и проводить «дезаурирование» пролетариата и «его» диктатуры, то надо делать это постепенно, дозированно. Ведь резкая ее «отмена» автоматически поставит вопрос о смысле существования партии. Поэтому в докладе о Конституции помимо знаменитого уточнения об оставлении в силе режима диктатуры пролетариата Сталин подчеркивает, что ст. 1 «оставляет в силе» и классовый состав государства: «Можем ли мы, марксисты, обойти в Конституции вопрос о классовом составе нашего общества? Нет, не можем»²⁴. Однако в вопросе о власти «классовый состав» уже ничего не значит, ибо «вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни»: рабочий класс растворяется в “трудящихся” буквально в движении от 1-й ко 2-й статье Конституции! В этом же докладе Сталин «делатинизирует» пролетариат, переименовывая его в «рабочий класс», диктатуру пролетариата — в диктатуру рабочего класса, соответственно.

Сталинские теоретические операции с диктатурой пролетариата были вполне очевидны для

зарубежных критиков Конституции 1936 г., которые, по словам самого Сталина, утверждали о «сдвиге вправо», об «отказе от диктатуры пролетариата». Эту критику вождь парировал, трактуя введение «трудящихся» как «расширение базы диктатуры пролетариата и превращение диктатуры в более гибкую, стало быть, — более мощную систему государственного руководства обществом»²⁵. Иными словами, в своем стиле Сталин диалектически характеризовал фактическое низведение пролетариата до части «трудящихся» как «расширение базы диктатуры пролетариата», т.е. нивелирование диктатуры пролетариата — как ее усиление²⁶. Так сугубо словесная эквилибристика корректирует теорию, отрывая ее от реальности: сталинская риторика «оставления в силе» диктатуры пролетариата, по сути, ставит это *положение* под сомнение, при том что *реальность* второй половины 30-х годов не дает повода усомниться в том, что диктатура пролетариата не только остается, но и будет усиливаться.

Итак, по словам А.П. Косицына, «закрепив полновластие трудящихся в лице их представительных органов, Конституция тем самым исключила политическое господство одного класса»²⁷. Изменения в теоретической репрезентации отнимают у пролетариата его всеобъемлющую роль, статус и власть. Он перестает быть фундаментальной референцией власти партии; эта роль переходит к «трудящимся», а затем — к «народу». Заметим, что «антипролетарская» логика Конституции 1936 г., хотя и была развита на XVIII съезде, до конца доведена не была (проект 1947 г. был положен под сукно), так что «режим диктатуры пролетариата» оставался в силе до 1961 г., а вот когда было «введено» общенародное государство, критики немало возмущались по поводу «исчезновения пролетариата». А.Е. Бовин приводит такие замечания: «У нас “исчез пролетариат”. Все говорим: народ, народ, народ. <...> У нас, товарищи, получился какой-то моральный удар по революции. Мы сняли слово — диктатура пролетариата. Рабочий класс потерпел поражение»²⁸.

Немарксистская операция «понижения пролетариата в статусе», результаты которой легко

²⁵ Сталин И.В. Указ. соч. С. 522.

²⁶ И тут нельзя опять-таки не согласиться с А.В. Елисеевым: «Сталин... мастерски эквилибрировал понятиями. Диктатура на данном этапе превращается у него в более “гибкую систему руководства”, но вроде как и продолжает оставаться диктатурой. И “в силе остается” именно “режим” диктатуры. Такое впечатление, что этим он одновременно и запутывал, и успокаивал ортодоксов, которые не желали отказа от идеологических догм» (см.: Елисеев А. Указ. соч. С. 143).

²⁷ Косицын А.П. Указ. соч. С. 213.

²⁸ Бовин А.Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М., 2017. С. 131.

²¹ Елисеев А. Указ. соч. С. 144.

²² Косицын А.П. Государство, рожденное Октябрем. М., 1987. С. 212.

²³ Цит. по: Чувев Ф.И. Указ. соч. С. 354.

²⁴ Сталин И.В. Указ. соч. С. 526.

прочитываются в тексте Конституции 1936 г., была сама результатом как вполне марксистских, так и квазимарксистских теоретических операций по «ликвидации классов» и установлению бесклассового общества.

6. Бесклассовое общество и фазы коммунизма.

То, что построение бесклассового общества — цель диктатуры пролетариата, которая, по словам К. Маркса из Письма к И. Вейдемейеру (1852), «сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»²⁹, — аксиома марксизма. Но если следовать экономическим, политическим и геополитическим реалиям 30-х годов, то вопрос о бесклассовом обществе ставить было, мягко говоря, рано. Однако конструирование всенародного государства в качестве одной из своих фундаментальных предпосылок *требовало* такой постановки, так что постулат бесклассового общества ставится во всей силе и конкретике в порядок дня начиная с XVII партконференции (1932). Совершенно ясно, что, прежде чем вводить концепт «трудящиеся» с почти элиминированным классовым содержанием как переходную ступень к «народу», следовало это положение теоретически предуготовить, и тут как нельзя лучше подходит постулат об «уничтожении всяких классов и переходе к бесклассовому обществу».

XVII партконференция постановляет, что «основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества»³⁰. Подчеркивалось, что «партия ставит своей задачей в эту пятилетку реальное, практическое построение бесклассового социалистического общества для того, чтобы на этой базе работать дальше для осуществления коммунистического общества»³¹.

XVII съезд ВКП(б) (1934) придает вопросу о построении бесклассового социалистического общества динамику — тем, что связывает эту цель с усилением классовой борьбы и диктатуры пролетариата. В Отчетном докладе Сталина сказано: «XVII конференция партии показала, что мы идем к созданию бесклассового, социалистического общества. Понятно, что бесклассовое общество не может прийти в порядке, так сказать, самотека. Его

надо завоевать и построить усилиями всех трудящихся — путем усиления органов диктатуры пролетариата, путем разворачивания классовой борьбы, путем уничтожения классов, путем ликвидации остатков капиталистических классов, в боях с врагами как внутренними, так и внешними»³². В этом тезисе, ярко выражающем стиль сталинского мышления, заложен важный принцип концептуальной ликвидации диктатуры пролетариата: она, по сути, сама себя ликвидирует собственным же разворачиванием до высшей точки напряжения, и такая диалектика классовой борьбы. Здесь все вполне в духе «марксистско-гегелевской» диалектики: пролетариат призван уничтожить классы, а значит, и самого себя как класс; диктатура пролетариата преодолевает себя своим же усилением. Так марксистские постулаты привлекаются для ликвидации марксистского же конструкта — пролетариата.

Суть бесклассового общества — в ликвидации классов как политических подразделений народа, в установлении политического равенства (которое является основой для морально-политического, идейного и социального равенства), посредством чего государство приходит к единству в себе, а единство народа становится принципом единства государства, невиданного и невозможного в условиях антагонистического общества³³. Однако единый народ не нуждается ни в чьей диктатуре. XVIII съезд партии (1939) продвигает политическую мысль дальше по пути преодоления классовых различий и единения народа, констатируя, что «в результате успешного выполнения второго пятилетнего плана (1933—1937 гг.) в СССР разрешена *основная историческая задача* второй пятилетки — окончательно ликвидированы все эксплуататорские классы, полностью уничтожены причины, порождающие эксплуатацию человека человеком и разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых. <...> В стране «осуществлена в основном первая фаза коммунизма — социализм» (Сталин). Победа социализма законодательно закреплена в новой Конституции СССР»³⁴. В итоге

³² XVII съезд ВКП(б). 10—21 марта 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 28.

³³ Невозможность постановки вопроса о народе как едином целом в условиях досоциалистических обществ подчеркивается авторами учебника по теории государства и права 1940 г. в рамках исследования проблемы суверенитета: «Пока сохраняется деление общества на враждебные классы..., не может быть и речи о народном суверенитете. В антагонистическом обществе нет народа как единого целого, а есть лишь враждующие между собой классы»; «Теория народного суверенитета неосуществима в условиях эксплуататорского государства уже потому, что народ как единое целое там не существует» (см.: Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940. С. 40, 41).

³⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898—1953. Ч. II. 1925—1953. М., 1953. С. 879.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. М., 1962. С. 427.

³⁰ XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1932. С. 143.

³¹ Там же. С. 206.

«СССР вступил в третьем пятилетии в новую полосу развития, в полосу *завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму*»³⁵.

На XVIII съезде Сталин выдвинул концепцию двух фаз коммунизма: «Со времени Октябрьской революции наше социалистическое государство прошло в своем развитии две главные фазы. Первая фаза — это период от Октябрьской революции до ликвидации эксплуататорских классов. <...> Вторая фаза — это период от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции. <...> Как видите, мы имеем теперь совершенно новое, социалистическое государство, не виданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы»³⁶. Из смысла сталинских слов в принципе следует, что принятие Конституции увенчивает вторую фазу («прошло в своем развитии две фазы»), и должна открыться третья — построение коммунизма, однако вторая фаза расплывается в туманном «переходе от социализма к коммунизму», охватывая период от принятия Конституции и далее.

Академик И.П. Трайнин справедливо предположил, что «с постепенным переходом к коммунизму государство вступает в третью, новую фазу своего развития»³⁷. Однако Сталину понадобилось растянуть вторую фазу, не допуская никакой третьей, причины чего были ясны разве что самому автору концепции двух фаз: третьей фазой должно быть объявлено в будущем, видимо, всенародное государство. К тому же благодаря этой путанице очень удачно можно поместить диктатуру пролетариата между двумя фазами или внутри одной из них; если нужна окончательная «отправка в историю» — то внутри первой, если же на какое-то время она еще требуется — внутри такой же эластичной второй. С таким же эффектом можно рассеять «построение бесклассового общества» в «переходе от социализма к коммунизму», неявным образом совпадающего со второй фазой — благодаря изящной словесной конструкции «полоса завершения строительства бесклассового социалистического

общества»³⁸. Диктатура пролетариата, бесклассовое общество растворяются в переходах, завершениях, одним словом, в движении; и эта нечеткость не может не подсказывать, что готовится куда как более стройная концепция, которая развеет сомнения, установит строгие ориентиры.

Как легко увидеть хотя бы из этого примера, Сталин полагал, что отнюдь не всегда государственная теория должна быть четкой и ясной: необходимо оставлять определенные зазоры, возможности для «переконцептуализации». Более того: «учение о двух фазах» хорошо показывает, что подчас Сталин, прекрасно владевший марксистским языком и склонный к ясной постановке вопросов, строгости формулировок, прилагал подчас серьезные усилия к тому, чтобы сделать вопрос заведомо запутанным, чтобы в случае необходимости были легко актуализированы возможности иной интерпретации.

7. Новые отношения партии и народа. Как уже было сказано, в проекте Программы 1947 г. партия представляется как «авангард народа», а в Программе 1961 г. — как «партия всего народа». Нельзя сказать, что партия — после реконструкции ее статуса в 1961 г. — теоретически отрывалась от пролетариата, но можно отметить, что в 60-е годы риторика «партии всего народа» была сильнее, чем в дальнейшем: теоретики 70-х годов, как бы восстанавливая пролетариат в правах, совместили «две референции», так что партия рисовалась одновременно как партия рабочего класса и всего народа, причем эта «риторика совмещения» была весьма настойчивой и даже назойливой. По сути, до конца концепт «партия всего народа» не был развит; впрочем, и принцип общенародного государства все более риторизировался³⁹.

Ясно, что при всенародном государстве нет смысла вести речь о партии какого-либо одного класса, пусть даже этот класс — пролетариат. Между партией и народом не должно быть опосредствованных элементов и сил. Ясно также, что бесклассовое общество не может предполагать политического

³⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях... С. 883.

³⁶ XVIII съезд ВКП(б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 35.

³⁷ Цит. по: Степанян Ц.А. Развитие В.И. Лениным и И.В. Сталиным учения о социализме и коммунизме. М., 1952. С. 363. Ц.А. Степанян «поправляет» И.П. Трайнина: «С принятием Сталинской Конституции не заканчивается вторая фаза Советского государства. В действительности под знаменем Сталинской Конституции продолжается развитие второй фазы Советского государства» (см.: там же).

³⁸ В.М. Молотов в одной фразе достигает вершин синтеза переходов и постепенностей, движения и покоя: «Советский Союз вступил в новую полосу, в полосу завершения построения бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму» (см.: XVIII съезд ВКП(б). С. 312).

³⁹ При анализе партийных документов и советских теоретических работ создается впечатление, что начиная приблизительно с 70-х годов (т.е. с утверждением власти Л.И. Брежнев) принцип общенародного государства становился все менее «уместным» в идеологии, так как политика партии едва ли могла соответствовать общественным ожиданиям в этом ключе. По-видимому, каскад концептов реального и развитого социализма был необходим для «деконцептуализации» принципа общенародного государства.

доминирования одного класса (оно вообще не предполагает существования классов, во всяком случае в политическом измерении). Единство народа выстраивается посредством партии, создается партией. Если единство народа есть принцип единства государства, то партия выступает как принцип единства народа. Партия *знает*, как привести народ к единству: она пронизывает весь народ, объединяя его, подобно цементу. Именно такую «строительную» метафорику предлагает М.И. Калинин: «Фигурально выражаясь, песок — это многомиллионное крестьянство; камень — рабочий класс и цемент — Коммунистическая партия. Соединение песка, камня и цемента дает крепкий, нерушимый массив...»⁴⁰. Заметим, что здесь за скобками остается строитель, демиург, но его присутствие сомнений не вызывает.

«Бесклассовое общество» не означает «бесструктурное общество», или «абсолютно гомогенное общество». Логика сталинского теоретического моделирования структуры и динамики Советского государства не могла не предлагать схемы «сначала — партия как авангард трудящихся, затем — авангард народа». Так оно и было: политическая риторика второй половины 30-х годов все чаще именуется партией «партией трудящихся», «авангардом трудящихся». Делается упор на все большее и прочное единение партии и народа: так, один из ораторов XVIII съезда ВКП(б) отмечает, что достигнуто «невиданное в мире единство всего советского народа со своей партией, со своей властью»⁴¹. В преамбуле к Уставу партии, принятому на этом съезде, можно констатировать переходное состояние: партия — еще «партия пролетариата», но уже и партия «трудящихся», равно как и «партия народа»⁴². Однако дело не в преамбуле только: на этом съезде в Устав было внесено кардинальное изменение. Были установлены единые условия приема в партию для всех независимо от классовой принадлежности — тут действовала демократическая логика Конституции 1936 г. (хотя она и не необходимым образом могла затрагивать партию). Так пролетариат, «класс-диктатор», *magister populi*, лишился последней «законной» привилегии.

Для того чтобы, с одной стороны, дать ясно понять, что партия — уже не только пролетарская, но представляет всех трудящихся (т.е. весь народ), но при этом, с другой стороны, сохранить на некоторое

время ее «пролетарскую идентичность», Сталин использует все возможности, созданные богатством марксистско-ленинской философии, демонстрируя, как уже было подчеркнуто, мастерское владение «диалектикой» (т.е. утонченной риторикой) в «установлении» единства народа. Теоретическое созидание единства народа создавалось не только «растворением» пролетариата в трудящихся, но и обратным образом — «пролетаризацией» крестьянства и интеллигенции. В этом плане характерен пассаж из Устава партии, принятого XIX съездом: «Коммунистическая партия Советского Союза есть добровольный боевой союз единомышленников-коммунистов, организованный из людей рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции»⁴³. Все три «сословия» советского общества привязаны к труду, который служит неким объединяющим субстанциальным атрибутом всего народа, становящимся одним из принципов его целостности.

Риторическое нивелирование («стирание») классовых различий необходимым образом должно быть выражено в политической сфере. Однако помимо классовых имелось не менее существенное различие — между партийными и беспартийными гражданами. Оно также подлежало «стиранию». Для этого был создан и введен в практику принцип «блока коммунистов и беспартийных», апробированный на первых выборах депутатов в Верховный Совет СССР в декабре 1937 г. «Результаты выборов 12 декабря, — говорит в своем выступлении депутат 1-й сессии Верховного Совета 1938 г., — показали, что население нашего Союза состоит не из разрозненных групп, преследующих каждая свои отдельные интересы, а из единого, тесно сплоченного великого коллектива, сознательно идущего под руководством партии Ленина — Сталина по пути построения бесклассового общества, построения новой, справедливой и счастливой жизни»⁴⁴. Другой депутат подчеркивает, что «партия большевиков выступает на выборах в БЛОКЕ, в СОЮЗЕ

⁴⁰ Калинин М.И. Избр. произв. М., 1975. С. 40.

⁴¹ XVIII съезд ВКП(б). С. 166.

⁴² «Партия осуществляет руководство рабочим классом, крестьянством, интеллигенцией — всем советским народом в борьбе за укрепление диктатуры рабочего класса, за укрепление и развитие социалистического строя, за победу коммунизма. Партия является руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных, и обеспечивает успешное построение коммунистического общества» (см.: XVIII съезд ВКП(б). С. 677).

⁴³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях... С. 1122. В силу изменения названия партии на XIX съезде должна быть изменена и ст. 126 Конституции. В редакции от 8 августа 1953 г. она меняется, причем весьма симптоматично: фраза из первоначальной редакции «наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную Коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя» теперь звучала как «наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции добровольно объединяются в Коммунистическую партию Советского Союза, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества» (см.: URL: <http://constitution.garant.ru>).

⁴⁴ Первая сессия Верховного Совета СССР. 12—19 января 1938 г. Стенографический отчет. Изд. Верховного Совета СССР, 1938. С. 8.

с беспартийными рабочими, крестьянами, служащими, интеллигенцией»⁴⁵.

Концепт «блок коммунистов и беспартийных» предлагает иную структуру общества, нежели разделение его на два дружественных класса и «прослойку», интеллигенцию, — разделение, становящееся все менее релевантным при утверждении (пусть и риторическом) бесклассового общества. Просто говоря, «блок коммунистов и беспартийных» — это новый способ концептуализации целостности народа: «Блок коммунистов и беспартийных по существу объединяет весь советский народ, поскольку у нас отсутствуют антагонистические классы с их непримиримыми противоречиями»⁴⁶.

Так мастерски, зачастую почти незаметными на первый взгляд штрихами, без видимой конфронтации с марксистской идеологией и фразеологией создавалась теоретическая база для революционной, по сути, замены принципа диктатуры пролетариата на более релевантный, но «менее марксистский» принцип всенародного государства. Получалось, если верить создаваемому впечатлению, что теория развивается в этом направлении как бы сама, без партийных инспираций, но следуя «своей», собственной логике (которая ведет в целом к принятию руссоистских политических интуиций). Так государственная теория преобразует марксизм в соответствии с императивами государственного строительства и со своими собственными теоретическими императивами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1932. С. 143, 206.
2. XVII съезд ВКП(б). 10—21 марта 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 28.
3. XVIII съезд ВКП(б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 35, 166, 312, 677.
4. Андропов Ю. В. Избр. речи и статьи. М., 1983. С. 294.
5. Бовин А. Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М., 2017. С. 131.
6. Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940. С. 40, 41.
7. Елисеев А. Преданный социализм. М., 2018. С. 143, 144.
8. Згоржельская С. С. Концепция общенародного государства в проекте Конституции СССР 1964 г.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 76.

⁴⁵ Первая сессия Верховного Совета СССР. С. 65.

⁴⁶ Калинин М. И. Указ. соч. С. 434.

9. Зиновьев А. А. Несостоявшийся проект: Распутье. Русская трагедия. М., 2009. С. 17.
10. Калинин М. И. Избр. произв. М., 1975. С. 40, 434.
11. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898—1953. Ч. II. 1925—1953. М., 1953. С. 879, 883, 1122.
12. Конституция СССР. Основной Закон. Проект. 1964 г. // Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 395—458.
13. Косицын А. П. Государство, рожденное Октябрем. М., 1987. С. 212, 213.
14. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 427.
15. Магазинер Я. Самодержавие народа (Опыт социально-политической реконструкции суверенитета). СПб., 1907.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. М., 1962. С. 427.
17. Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 185, 396, 423.
18. Первая сессия Верховного Совета СССР. 12—19 января 1938 г. Стенографический отчет. Изд. Верховного Совета СССР, 1938. С. 8, 65.
19. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1945. С. 120, 128, 522, 523, 526.
20. Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947—1953 гг. Документы и материалы / сост.: В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М., 2017. С. 176.
21. Степанян Ц. А. Развитие В. И. Лениным и И. В. Сталиным учения о социализме и коммунизме. М., 1952. С. 363.
22. Чувев Ф. И. Молотов: полудержавный властелин. М., 1999. С. 354, 628.
23. Шмавонян Г. А. Проблемы института советского правительства в юридической науке 20-х и 30-х годов XX в. // Труды ИГП РАН. 2011. № 3. С. 151.

REFERENCES

1. XVII konferenciya VKP(b). Stenograficheskij otchet. M., 1932. S. 143, 206.
2. XVII s"ezd VKP(b). 10—21 marta 1934 g. Stenograficheskij otchet. M., 1934. S. 28.
3. XVIII s"ezd VKP(b). 10—21 marta 1939 g. Stenograficheskij otchet. M., 1939. S. 35, 166, 312, 677.
4. Andropov Yu. V. Izbrannye rechi i stat'i. M., 1983. S. 294.
5. Bovin A. E. XX vek kak zhizn'. Vospominaniya. M., 2017. S. 131.
6. Golunskij S. A., Strogovich M. S. Teoriya gosudarstva i prava. M., 1940. S. 40, 41.
7. Eliseev A. Predannyj socializm. M., 2018. S. 143, 144.

8. *Zgorzhel'skaya S.S.* Konceptsiya obshchenarodno-go gosudarstva v proekte Konstitucii SSSR 1964 g.: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006. S. 76.
9. *Zinov'ev A.A.* Nesostoyavshijsya proekt: Rasput'e. Russkaya tragediya. M., 2009. S. 17.
10. *Kalinin M.I.* Izbr. proizv. M., 1975. S. 40, 434.
11. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK. 1898—1953. Ch. II. 1925—1953. M., 1953. S. 879, 883, 1122.
12. Konstituciya SSSR. Osnovnoj Zakon. Proekt. 1964 g. // *Pyzhikov A.V.* Hrushchevskaya "ottepel". M., 2002. S. 395—458.
13. *Kosicyn A.P.* Gosudarstvo, rozhdennoe Oktyabrem. M., 1987. S. 212, 213.
14. *Lenin V.I.* Poln. sobr. soch. T. 35. S. 427.
15. *Magaziner Ya.* Samoderzhavie naroda (Opyt social'no-politicheskoy rekonstrukcii suvereniteta). SPb., 1907.
16. *Marks K., Engel's F.* Soch. T. 28. M., 1962. S. 427.
17. Materialy XXII s"ezda KPSS. M., 1961. S. 185, 396, 423.
18. Pervaya sessiya Verhovnogo Soveta SSSR. 12—19 yanvarya 1938 g. Stenograficheskij otchet. Izd. Verhovnogo Soveta SSSR, 1938. S. 8, 65.
19. *Stalin I.V.* Voprosy leninizma. 11-e izd. M., 1945. S. 120, 128, 522, 523, 526.
20. Stalinskoe ekonomicheskoe nasledstvo: plany i diskussii. 1947—1953 gg. Dokumenty i materialy / sost.: V.V. Zhuravlev, L.N. Lazareva. M., 2017. S. 176.
21. *Stepanyan C.A.* Razvitie V.I. Leninym i I.V. Stalinyam ucheniya o socializme i kommunizme. M., 1952. S. 363.
22. *Chuev F.I.* Molotov: poludержavnyj vlastelin. M., 1999. S. 354, 628.
23. *Shmavonyan G.A.* Problemy instituta sovetskogo pravitel'stva v yuridicheskoy nauke 20-h i 30-h godov XX v. // Trudy IGP RAN. 2011. № 3. S. 151.

FAILED RES PUBLICA RESTITUTA 1948: THE ORIGINS OF CHANGES IN THE BASIC PRINCIPLE OF THE STATE SYSTEM OF THE USSR IN THE SOVIET POLITICAL DISCOURSE OF THE 30s

© 2019 A. V. Nikandrov

Lomonosov Moscow state University

E-mail.ru: bobbio71@mail.ru

Received 09.08.2018

The article is devoted to the analysis of the theoretical origins of the concept of the State of all the people presented in the project of Communist Party's Program of 1947. This concept born in the Stalin's think-tank was implemented in the III Communist Party's Program adopted in 1961. The author confirms that among the most important sources of the new highest principle of the Soviet State we should to suppose a number of conceptual innovations introduced gradually just since 30's — the theoretical abolishment of the dictatorship of the proletariat; the establishment of the classless society; the reconceptualization of the party as the advance-guard of the people (not proletariat), introduction into the political practice of innovation "a bloc of Communists and non-Party people" as a new principle of unity of the Soviet people.

Key words: dictatorship of the proletariat, Republic, CPSU, Project of Program of the Communist Party (1947), III Program of the CPSU, working people, the People, the State of all the people, the State of the whole people, Constitution of the USSR of 1936, classless society, a bloc of Communists and non-Party people.

Сведения об авторе

НИКАНДРОВ Алексей Всеволодович — кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Authors' information

NIKANDROV Aleksey V. — Ph.D. (Policy), associate Professor, Lomonosov Moscow state University, Faculty of Philosophy, Department Philosophy of Politics & Law